

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ (МЕТАФОРЫ)

Гаджиева Натаван Хавар гызы

Азербайджанский университет архитектуры и строительства

У статті широко прокоментовано метафори в контексті стилевих особливостей азербайджанської літератури Першого і Другого періоду Незалежності. Коментуючи, основну увагу ми приділили суспільно-політичним подіям епохи і їх відображенню в літературі через асоціації, а також проаналізували основні стилеві особливості метафори в літературі цього періоду.

Ключові слова: незалежність, література, методика, асоціація, стиль, особливість, автор.

В данной статье широко прокомментированы метафоры в контексте стилевых особенностей азербайджанской литературы Первого и Второго периодов Независимости. При комментировании основное внимание уделялось общественно-политическим событиям эпохи и их отражению в литературе посредством ассоциаций, а также были проанализированы основные стилевые особенности метафор в литературе этого периода.

Ключевые слова: независимость, литература, метафора, ассоциация, стиль, особенность, автор.

In the article are widely commented metaphors in a context of style features of the Azerbaijani literature of the First and Second periods of Independence. At commenting, the basic attention was given to political events of an epoch and their reflexion in the literature by means of associations. In the article have been analyzed too main style features of metaphors in the literature of this period.

Keywords: independence, the literature, a metaphor, association, style, feature, the author.

На каком-то определенном отрезке времени, в каком-то определенном пространстве мы становимся свидетелями и участниками, а иногда может быть даже творцами происходящих событий, и выступаем в этом контексте как социальная сущность. В основе этого лежит логически обусловленная трехмерность, выраженная формулой: “я; сейчас, здесь”. Впервые выдвинутое М. М. Бахтиным в литературоведении понятие хронотопа охватывает очень важные стороны этой формулы. Тема, к которой мы обращаемся, затрагивает стиль писателя в контексте “писатель-период-пространство” в постсоветский период. Дело в том, что пространственно-временной фактор просто не способен не затронуть писательский стиль, потому что литературные мыслители, являющиеся, как уже говорилось ранее, непосредственными участниками общественно-политических событий, не могут остаться в стороне от общих веяний эпохи. Следовательно, и созданные ими образы хронотипичны. М. М. Бахтин отмечает: “Хронотоп, как формально-содержательная категория, определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотипичен. Освоение реального исторического хронотопа в литературе протекало осложнено и прерывно: осваивали некоторые определенные стороны хронотопа, доступные в данных исторических условиях, вырабатывались только определенные формы художественного отражения реального хронотопа” [1, с. 234].

Понятие хронотопа, получившее широкую сферу употребления в литературоведении, предполагает также коммуникативную ситуацию, основывающуюся на принципах времени и пространства в социологии.

Время в художественной литературе является первостепенным и определяющим фактором; пространство же своими ареальными особенностями, содержанием обладает относительным постоянством: по мере изменения времени обогащается историческая обстановка,

приобретающая новое содержание и диктующая новые параметры социокультурного поведения. Следовательно, два фактора, взаимно обогащающие и взаимодополняющие друг друга в контексте времени и пространства, не проходят бесследно для человеческого сознания, потому что человек вписывается в общее содержание той социальной среды. При рассмотрении стилиевых и риторических вопросов, исходящих из художественного отображения событий вышеуказанной эпохи, мы сталкиваемся (наряду с употреблением слов, присущих тому периоду) с образом мышления; познаем систему метафор, основанную на ассоциациях времени, и новые семы, получившие на этой базе широкое распространение; а также новые фреймы, возникшие в семантической структуре существующих концептов. Перечисленные проблемы опираются в человеческом сознании на целостную систему, оставив глубокий след в эстетике, языке, литературе и философии.

Писатель, как участник данных событий, в такой ситуации становится носителем модальности в социуме. Авторская модальность играет особую роль в создании и усвоении любого художественного качества. Как известно, общество определяет свое место, подразделяясь на партии, т. е. носителей разных идей. Вследствие этого личность писателя (по его отношению к происходящим событиям) определяет общее идейное направление произведения. В зависимости от мировоззрения, интеллектуального уровня писателя заново перерабатывается семантическая сторона некоторых лексических единиц, обнаруживаются их стилиевые возможности.

В художественном произведении автор может быть представлен местоимениями “я”, “мы” и безличными формами глагола. Во всех случаях он на виду: как художник, как интерпретатор, а порою – как образ [2]. Обрисовывая исторические события той или иной эпохи (или же ссылаясь на них), автор подчиняет языковые единицы на морфологическом и синтаксическом уровне стилистическому руслу: использует концептуальные метафоры для адекватного выражения каких-либо понятий. Появление концептуальных метафор способствует образованию новых фреймов.

Модальность в тексте обладает структурой “автор-читатель”, а ее ценность всецело переносится на текст. Как уже отмечалось ранее, это зависит от того, каким образом писатель воспринимает реальность. В. В. Виноградов отмечает, что личностное отношение автора воспринимается как “концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур...” [4, с. 182; 6].

Л. Н. Толстой писал: “Во всяком художественном произведении важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведении, что написано на это отношение. Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц, а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение” [2].

Исходя из всего вышесказанного, рассмотрим систему ассоциаций в контексте стилиевых возможностей метафор в азербайджанской литературе периода Независимости. При этом особое внимание будет уделяться прагматическим свойствам метафор в коммуникативном процессе. Несмотря на то, что и Первый (1918–1920), и Второй (с 1991 по сей день) периоды Независимости отличаются друг от друга спецификой содержания, все же их объединяет историческое значение событий, и этот факт с точки зрения осмысления языковых единиц прослеживается в художественных произведениях.

Каждой исторической эпохе присущи своя риторика, стиль, что особенно заметно в системе ассоциаций периода Независимости, при переосмыслении слов. Учитывая это, рассмотрим метафоры, присущие указанному периоду.

Метафора (греч. *metaphora*) означает “перенос” [7, с. 92; 3, с. 129].

Метафора – это перенос признаков различных предметов или явлений на другие предметы или явления. Внешне это нелогично, однако в этой нелогичности и есть логичность. Нелогичность метафор состоит в том, что их ассоциации связаны с посторонними предметами. Однако автор, в зависимости от своего интеллектуального уровня, способен, устранив нелогичность и образовав синтез двух несоответствующих предметов, создать новое понятие или выражение. В зависимости от конкретной речевой ситуации, метафоры могут различаться как продукт общего или авторского творчества. Общие метафоры уже вступили в новую фазу развития языка, постепенно стирается и образность, присутствующая в семантике некоторых лексем. В любом языке много таких метафор, часть которых потеряла свое прежнее значение. Автором общих метафор является народ; эти метафоры занимают прочное место в лексическом фонде языка. Авторские метафоры, напротив, конкретизируются как чей-то творческий продукт и расцениваются как определитель стиля, потому что автором ассоциаций, лежащих в основе этих метафор, является конкретное лицо. Следовательно, нахождение новых ассоциаций является новаторством, характеризующимся созданием новых выражений в языке. И. В. Голуб принимает это как стилевой прием [5, с. 100]. Ассоциации можно обнаружить между любыми вещами, предметами и явлениями. Однако это связано с интеллектуальным уровнем автора. В зависимости от общественно-исторической обстановки ассоциации могут порою стать выразителями образа мышления эпохи. Напр.:

Beynim – günəş, əllərim bir cüt Fərhad külüngü.
вэ уа: Avtomatın lüləsi gözümdə boş bir tütək.

(X. Rza)

[Мозг мой – солнце, руки – пара кирок Фархада].
или: [Ствол автомата – всего лишь пустая свирель в глазах моих].

(X. Rza; *здесь и далее – подстрочный перевод*)

В период восстановления нашей независимости X. Rza создает ассоциацию между светлыми, излучающими свет мыслями и солнцем. Или же во втором примере: для того, чтобы выразить нестигаемость, силу и мощь народа перед захватчиками, пытающимися задушить национально-освободительное движение, поэт создает ассоциацию между стволом автомата и пустой свирелью. Подобные ассоциации в контексте авторского отношения к событиям эпохи являются примером авторских ассоциаций. Другой пример:

Ağzıma tuşladı avtomat lüləsini,
Lülədə yatan gördüm əzrayıl gülləsini.

(X. Rza)

[Мой рот держали под прицелом автомата,
В стволе которого увидел спящей пулю Азраила].

(X. Rza)

В приведенном примере ассоциируются “сон” и “пуля Азраила”. Здесь поэт, ссылаясь на важную историко-политическую обстановку, выражает свою уверенность в том, что он стойко выдержит все муки такой тюрьмы, как Лефортово.

Как видим, такие ассоциации носят политический характер, языковые единицы, участвующие в создании ассоциаций, заново осмысляются, обогащаясь новыми оттенками.

Ранее нами было отмечено, что ассоциации мотивируются в зависимости от социально-политического содержания эпохи. Напр., стихотворение А. Джавада, обращенное к турецкому солдату (1918 год):

Baş əydi bax, toplarının səsinə
Yad ellərin yıldırım, şimşəyi.

(Ə. Cavad)

[Смотри, как кланяются молнии чужеземных стран
Под грохот пушек твоих].

(А. Джавад)

Ссылаясь на победы турецкой армии, А. Джавад создает ассоциацию молнии и такую гиперболическую картину, в которой неподвластные, неуправляемые молнии даже кланяются перед силой турецких солдат. Как известно, в начале XX века турецкие солдаты оставили славный след в общей истории войн. Поэтому автор, ссылаясь на этот исторический момент, создал ассоциацию, выражающую могущество. Такое мастерство проявилось и в его этнографических этюдах:

1. Boz ay çarır atını,
Bilir qışın zatını;
2. Novruz çıxıb taxtına,
Çillə düşüb baxtına.

(Ə. Cavad)

- [1. Первый месяц весны мчится на коне,
Знает натуру зимы;
2. Новруз взошел на трон,
Весна выпала на его счастье].

(А. Джавад)

Поэт, выражая лирическим языком этнографические наименования времен года, распространенные в народной среде, построил оригинальные ассоциации “первый месяц весны – конь”, “Новруз – трон”. Одной из главных стилиевых особенностей творчества А. Джавада является умение поймать как исторический пульс, так и естественную атмосферу времени, и передать их посредством соответствующих ассоциаций.

Ассоциации приобретают метафорическое содержание при передаче общечеловеческих мыслей:

1. Ömür dedikləri, çarpaşq bir yol,
O çarpaşq yolun yolçusuşam mən.
2. Sevda dedikləri, çılğın bir dəniz,
Mən çıxdım dənizə, qaldım yelkənsiz.

(Ə. Cavad “O qıza”)

- [1. То, что жизнью называют, есть извилистая дорога,
Я – путник той извилистой дороги.
2. То, что любовью называют, есть бушующее море,
Вышел я на просторы этого моря, и остался без паруса].

(А. Джавад “Той девушке”)

Такие ассоциации, как “жизнь – дорога”, “любовь – море”, укоренившиеся в народном сознании, пропитаны фольклорным мышлением.

Как видим, метафорические ассоциации обладают очень широкими характеристиками. Стимулом для этого послужила не только историческая обстановка, но и мифологический образ мышления людей. Одушевление таких ассоциаций, приобретение ими нового содержания в творчестве отдельных писателей связано с переработкой существующих языковых и мыслительных фактов в качестве стилиевого фактора.

Любое художественное произведение направлено на читателя, основано на беседе с ним. В этом смысле, произведения являются носителями авторских мыслей. Авторская мысль характеризуется подготовкой читателя, проникновением в его интеллектуальную сферу.

В связи с этим в произведениях азербайджанской литературы, написанных в Первый период независимости, философская идеология той эпохи ощущается и в ассоциациях. Напр., Джафар Джаббарлы в стихотворении “Азербайджанскому флагу” (1919) пишет:

Kölgəsində ay əyilib bir gözəli qısmada,
Qucaşaraq sevdiiylə yüksəklər? uçmada,
Şu görünüş bir ananın şəfqətin? oxşayıf.
Düşündükcə zövqlərim, vicdanımı oxşayıf.
Bu ay, yıldız, boyaların qurultayı nə demək?!

(С. Cabbarlı)

[В его тени склонился полумесяц, обняв красавицу (звезду),
Обнимаясь с возлюбленной, возвышается до небес,
Это подобно милосердию матери,
Размышляя, ласкает мое блаженство, мою совесть.
Что значит этот съезд полумесяца, звезды, красок?!]

(Дж. Джаббарлы)

Ассоциация “полумесяц – объятие” опирается на понятие “красавица – звезда”, т. е. красота природы тоже обнимает наш флаг. Единство полумесяца, звезд и красок, уподобленное автором съезду, становится выражением различной внутренней симпатии. Вот другой пример:

Altun köksün hilal-yıldız, işıqları öpüncə,
Zirvəsindən Şah dağının gündoğuşu bilinir,
Rəhm Allahi gözəlliklər tanrısı tək ipək incə,
Bir siyaqla könüllərə hey salamlar söyləyir,
O yerlərdə qardaşları, dostları var, tək sevir,
Yaşıl donlu, mavi gözlü, ay yaşmalı sevdiiyim.

(С. Cabbarlı “Sevdiyim”)

[Когда целует золотая грудь твоя лучи,
Значит, близится восход с вершины Шахдага,
Богиня красоты милосердного Аллаха,

нежная, как шелк,

Приветствует сердца присутствием своим,
В тех краях есть у нее братья, друзья, которых она любит,
В зеленом платье, голубоглазая, луноликая любовь моя].

(Дж. Джаббарлы “Любовь моя”)

Дж.Джаббарлы, говоря “золотогрудый полумесяц – звезда”, с большой любовью создает ассоциацию любви к Родине. Первое выражение “золотогрудый”, а затем примыкающее к нему “полумесяц – звезда” ассоциируются с символами национального флага Азербайджана. Выступая в этом стихотворении с позиций тюркизма, автор выражает такую же сыновнюю любовь к Родине в стихотворении “Моя страна”:

1. Şiş ucları buludlarla döyüşən
Dağlarında buzları var ölkəmin.
(bulud – döyüş)
2. Göy otlardan ipək paltar geyinən,
Tarlaları, düzləri var ölkəmin.
(paltar geymək – tarla, düz)
3. Quzğun dəniz oynar ayaqlarında;
(dəniz – oynamaq)
4. Tarixlərin altun yarpaqlarında
Dadlı-dadlı sözləri var ölkəmin.
(dad – söz) (С. Cabbarlı)

1. Есть у страны моей горные ледники,
Острыми пиками сражающиеся с облаками.
(облако – сражение)
2. Есть у страны моей есть поля, равнины,
Одетые в шелковое платье из зеленых трав.
(одевать платье – поле, равнина)
3. Море-ястреб игриво плещет у ног твоих;
(море – игриво плескать)
4. На золотых страницах истории
Приятные слова есть у страны моей.]
(приятный – слово) (Дж. Джаббарлы)

Каждый текст имеет прагматическую сторону: он обладает ситуационной структурой “автор – читатель”. Дискурс дает возможность автору наиболее полно использовать ассоциации для оказания влияния на читателя, сообщая ему о своих положительных или отрицательных эмоциях по отношению к какому-либо объекту. В Первый период Независимости отмеченные ассоциации были больше всего связаны с национальным флагом, что явилось примером впервые созданной Азербайджанской Республики. Понятия “турецкий солдат” и “спаситель” так же были связаны со стилевой функцией ассоциаций в произведениях, созданных в тот период.

В азербайджанской литературе Второго периода Независимости ассоциации связываются с понятиями “свобода”, “независимость”. Если на первом этапе ассоциации, связанные с флагом, символически составляли большинство, то на втором этапе политическая свобода, нравственность, моральное состояние выдвинулись на первый план. Напр., Х. Рза в связи с событиями 20 января пишет в одном из стихотворений:

Nəriləyir tankların Bakı küçələrində,
Daş asfaltın üstündə buğlanan, buz bağlayan
Qırmızı qan gölüsən Bakı küçələrində,
Müqəddəs bir ölkəni dağıtdın dağım-dağım,
Al qanına bələndi çölüm, çəmənim, dağım.
Şalvarının zolağı qan qırmızı, tox, harın
Gürzə generalların, ilan əsgərlərin var.
Demokratiya! Aşkarlıq! – deyib bağırən barbar.
Ağzi qanlı qəsbkar! Dişi qanlı fitnəkar!

(Н. Rza)

Ревут на улицах Баку танки твои,
Испарившись на каменной мостовой, покрытой льдом,
Оставил озера крови на улицах Баку,
Священную страну ты разрушил до основания,
Окрасились в алый цвет просторы, луга, горы мои.
Лампасы цвета алой крови на форме твоей,
сытый, самодовольный,

Гюрза-генералы, змеи-солдаты есть у тебя.
Варвар, кричащий: Демократия! Гласность!
Захватчик с кровавой пастью! Кровавый провокатор!

(Х. Рза)

“Озера крови – улицы Баку”, “алая кровь – форма;”, “гюрза-генералы, змеи-солдаты”, “кровавая пасть” и другие ассоциации были направлены в тот период против сил, пытавшихся задушить национально-освободительное движение в Азербайджане. Мысли, использованные

в приведенных метафорах, принадлежат стилю Х. Рзы. В результате этого в вышеуказанных словах в зависимости от ситуации появились новые семантические оттенки. Обратимся к другому примеру:

1. Satqın, murdar, alçaq gəda onların öz tulasıdır,
Ula! – deyib, kor katibi üstünə ulatdılar.
2. Nübar xanım səslənir: –Alqış xilaskarlara,
Gedir, çatır bu səda lap ürəyi karlara!

(X. Rza)

[1. Продажный, мерзкий, подлый холоп их собственный легавый,
Вой! – сказав, натравили его на слепого секретаря,
Нубар-ханум прокричала: Слава спасителю,
Достигнет этот глас даже до глухих сердцем!].

(X. Pza)

По мере ужесточения общественно-политической борьбы авторские эмоции переполняются: для характеристики слепого секретаря автор создает более оригинальное выражение, используя связь “слепой секретарь – выть” (дикарь). Будто он, взбесившись, связывает друг с другом слепого секретаря с воющим дикарем. В том же стихотворении используя метафору “глухие сердцем”, Х. Рза создает более интересную связь. На самом деле глухота связана с ухом, однако поэт, связав ее с лексемой “сердце”, создает двойственное и в то же время оригинальное выражение.

Порою для передачи средствами поэтического языка нашей национальной мощи, силы Х.Рза говорит: “Мы мужественные, мощные потоки селя”. Связав сель с народной силой, мужественностью, он создает величественную семантику. А в другом месте:

- Sözdə dövlət dilidir, Azərbaycan türkcəsi,
İşdə neçin görünür onun qızıl külçəsi?

(X. Rza)

[На словах государственным слывет азербайджанский язык,
Почему же на деле не виден этот золотой самородок?]

(X. Pza)

Ассоциация “Золотой самородок – азербайджанский язык” является оригинальным выражением.

В стихотворениях Х. Рзы ассоциации построены на двух нотах: ненависти к врагу, веры в народ и любви к нему. Реализация этих языковых единиц происходит благодаря их протеканию через индивидуальное сознание и осмыслению в новом контексте. Ответ ассоциациями на исторические события в период Независимости был различным в зависимости от подхода к вопросу каждого отдельного литератора. Для объяснения этого рассмотрим отрывок из стихотворения Бахтияра Вахабзаде “И сын, и отец”:

- Hamı adilikdən qalxıb ucalmaq,
Hamı bu millətə ağsaqqal olmaq,
Hamı bu ölkəyə gətirmək deyil,
Hamı istəyini almaq istəyir.
Fərmanı yerinə yetirmək deyil,
Ölkəyə fərmanlar vermək istəyir,
“Məndən ağıllısı tapılmaz” – deyir.

(B. Vahabzadə “Həm oğul, həm ata”.)

[Все заурядные возвыситься хотят,
Хотят вождями нации стать,
Все хотят не приносить этой стране,
А только желают побольше взять.]

Хотят не исполнять указы, а давать указания стране,
“Нет умнее меня” – говорят].

(Б. Вахабзаде “И сын, и отец”)

Эта нота охватывает значительную часть метафорических ассоциаций в художественном творчестве Б. Вахабзаде по указанному периоду, т. е. метафорические иносказания шлифуют языковые единицы в этом направлении.

Bilmədik, içini gəmirir bu kin,
Sözü keçməyəndə üzdən həlimdir,
Unutduq nifrətə mayalanmışın
Fikri intiqamdır, qəsdı zülmdür.

(B. Vahabzadə?)

[Не знали, что изнутри грызет эта злоба,
Когда не проходит слово, то кроткая с виду она,
Позабыли мы заквашенную на ненависти,
В мыслях ее – возмездие, намерение ее – гнет]

(Б. Вахабзаде)

Такие метафоры, как “злоба – грызть”, “человек – презрение”, являются образным выражением вышеуказанных ассоциаций.

Когда правда об Азербайджане игнорировалась, тогда Б.Вахабзаде метафорическим путем обвиняет мир:

Özümüz yanırıq öz dərdimizə,
Dünyanın qulağı kar olub bizə,
Bizim haqqımızı boğur siyasət.
Haqqı sübut edən şahidimiz yox,
Sıfıra dönübdür başsız bu millət,
Sıfırlar önündə vahidimiz yox.

(B. Vahabzadə “Həm oğul, həm ata”)

[Сами сгораем мы в горе своем,
Ухо мира глухо к нашему зову,
Нашу правоту душит политика,
Нет свидетеля, чтобы доказать истину,
Превратилась в ноль эта обезглавленная нация,
Нет единицы, чтобы возглавить нули].

(Б. Вахабзаде “И сын, и отец”)

Выражение “уши мира”, основывающееся на семантической связи “ухо – мир”, уже само по себе является метафоричным. Понятию “ухо” придается новый семантический оттенок. Ассоциации такого типа наиболее характерны для последнего этапа творчества Б. Вахабзаде – на подъеме национально-освободительной борьбы народа в период Второй Независимости. Указанные лексические единицы, в зависимости от контекста, иногда выстраиваются на индивидуально-психологической основе:

Allahın bal yuxusu mən? haram gecələ,
Sürünürəm gündüzlər, yaşayıram gecələ.

(B. Vahabzadə “Gecələr – pənah yerim”)

[Сладкий сон ночной мне недозволен,
Плещусь я днем, а по ночам живу]

(Б. Вахабзаде “Ночи – убежище мое”)

Метафора, построенная на линии “плещись – человек”, придает глаголу “плещись” дополнительный оттенок, выражающий понятия “мучение”, “раздумья”. В общенародном языке есть семантика “плещись – жить в нужде”, однако противопоставление “плещись

днем” – “жить ночами” создает в данном случае дополнительную метафору. Следовательно, в литературном творчестве Б. Вахабзаде указанного периода стилевая оценка формировалась сверху по трем направлениям.

Период Второй Независимости занимает особое место в литературном творчестве Сабира Рустамханлы. Среди многообразия его заслуг можно указать на такие новшества, как обогащение литературного языка, обогащение семантической структуры некоторых лексических единиц путем создания новых ассоциаций. В литературе этого периода ассоциации ссылаются на политический код:

Vətən eşqi!
Bir əsir yel, ötən duman,
Onumuzun ürəyində, minimizin dilindədir.
Мэн azadlıq qarısını döyən zaman
Gördüm o da iblislərin əlindədir.
(S. Rüstəmxanlı “Мэн demədim”)

[Любовь к Родине,
Дуют ветры, проплывают туманы,
В сердцах десятков, на языке тысяч.
Стучась в двери Свободы,
Увидел, что и Она в руках демонов].
(С. Рустамханлы “Я не сказал”)

Такие метафоры, как “любовь к родине”, “ветер”, “туман”, “дверь свободы”, в последующих строках продолжают тем обвиняющим себя тоном, который характерен для творчества Б. Вахабзаде:

Yurd yenilibə
Ügək yara, dilim qabar,
Nara baxsan söz gülləsi,
Kimlər kimin qarasına!
Dünən xalqa öz eşqindən dəm vuranlar
Məlhəm deyil, göz basırlar
Köz basıblar məmləkətin yarasına.
(S. Rüstəmxanlı)

[Родина обновилась?
Сердце ранено, язык мозолист,
Куда ни глянь – всюду пули-слова,
Кто управляет нами!
Те, кто вчера говорил о своей любви к народу,
Сегодня не лекарством, а горящими углями
Прижигают рану страны].
(С. Рустамханлы)

Метафоры, основывающиеся на семантической связи “сердце – рана”, “язык – мозоль”, “слово – пуля”, связывают семантику слова с атмосферой той эпохи.

Как уже было отмечено ранее, метафоры являются значительным стимулом, особым видом творчества в развитии семантики слова. В данной статье мы стараемся обратить основное внимание на стилевые особенности развития некоторых языковых единиц в контексте эпохи-времени и пространства. Из приведенных отрывков стихов С. Рустамханлы видно, что его творчество в указанный период с точки зрения стилистических особенностей совпадает со стилем Б. Вахабзаде. Это объясняется тем, что их путь борьбы за Независимость был одинаковым. Следовательно, стиль отдельно взятой личности перекликается со стилем эпохи.

Народный поэт Мамед Араз, напротив, обращается к миру, людям, окружающей действительности с волнующими его вопросами. Задавая вопросы самому себе, он глубоко, аналитически познает жизнь. Стиль М. Араза будоражит человека, изнутри побуждает его к действиям, и ассоциации-метафоры этих мыслей строятся на этих нотах.

Ömür bir sualdır, ömür bir cavab,
“Niyələ”, başlanğıc, “çünkilər” axır.
“Niyə” bu dünyaya gəlib bu cavan?
Bu su xaradan gəlib haraya axır?

(М. Араз “Suallar, cavablar”)

[Жизнь – один вопрос, жизнь – один ответ,
“Почему” – начало, “потому” – конец,
“Почему” пришел ты в этот мир, юнец,
Откуда и куда течет этот поток?]

(М. Араз “Вопросы, ответы”)

Семантическая связь в метафорах “жизнь – вопрос”, “жизнь – ответ” опирается на вышеуказанную концепцию М. Араза. При определении стиля каждого литератора в отдельности необходимо сфокусировать внимание на системе метафор в его произведениях. Если концепция – это способ подхода автора к выбранной теме, то стиль является формой выражения, зависящей от определенного отношения к теме. Для творчества М. Араза характерны и определенная концепция, и форма выражения мысли, которые отличаются стилиевым своеобразием.

Bu sorğu-suallar bəlkə nahaqdır,
Zamanın qulağı çox səsə kərdir.
Beş addım gedirsən, görürsən artıq,
Sual da, cavab da, vaxt da qurtardı.

Bir sual, bir cavab eşidir zaman,
Zamanın alqısı, satqısı haqdı,
Zaman yer azmışın tutub qolundan,
Dinməzsə yerində oturacaqdı.

(М. Араз “Suallar, cavablar”)

[Может быть бесполезны эти расспросы,
Время глухо ко многим голосам,
Сделав пять шагов, увидишь,
Что вопрос и ответ, да и время уже иссякли

Один вопрос, один ответ слышит время,
Истина – товар времени,
Время возьмет заблудившегося за руку,
Оно бесшумно сядет на свое место].

(М. Араз “Вопросы, ответы”)

Семантические связки “время – ухо”, “время – глухо”, “время – слышать”, “время – сидеть” построены на ассоциации “человек”. В конце этого стихотворения автор олицетворяет время, стоя лицом к лицу к нему. Подобный способ выражения мысли в его другом стихотворении также играет главную, стилоопределяющую роль:

Qalacaq dilsiz yatan hər qaya, hər qalaca.
Bu dəli uçurlara ələnən qar qalacaq.

(М. Араз “Murova qar yağırdı”)

[Останется немой каждая спящая скала, каждая пещера,
Этим крутым обрывам останется лишь выпавший снег].
(М. Араз “Снег падал на Муров”)

Тематику стихотворений М. Араза составляют мир, природа и психологическое состояние человека. Семантические связи “спать – скала”, “обрыв – безумный”, тематически влияя на психологию человека, еще более усложняются:

İçimizdə şeytan səsi,
Yalan səsi, böhtan səsi –
Didir bizi, yeyir bizi,
Ulu şahım,
Qıbləmizə çevir bizi!
(М. Араз “Ulu şahım...”)

[Внутри нас голос дьявола,
Голос лжи, голос клеветы –
Терзает, разъедает нас,
О, мой великий шах,
Направь нас к нашей Кыбле].
(М. Араз “О, мой великий шах...”)

Ассоциации “внутри – голос дьявола”, “голос – терзать”, как уже было отмечено выше, являются выражением духа М. Араза.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 497 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. Стиль как средство реализации / Н. С. Валгина // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/32.htm>.
3. Введенская Л. А. Риторика для юристов / Л. А. Введенская, Л. Т. Павлова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 129 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М., 1971. – С. 182.
5. Голуб И. В. Риторика / И. В. Голуб. – М., 2009. – 100 с.
6. Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 99–105.
7. Петров О. В. Риторика / О. В. Петров. – М. : Проспект, 2007. – 92 с.